

На правах рукописи

Магарил-Ильяева Татьяна Георгиевна

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1840-х ГОДОВ
КАК ЕДИНЫЙ ТЕКСТ**

Специальность 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2023

Работа выполнена в научно-исследовательском центре «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Научный руководитель:

Касаткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научно-исследовательском центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Официальные оппоненты:

Борисова Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник отдела «Музей-квартира Ф.М. Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля;

Ковалевская Татьяна Вячеславовна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет».

Защита состоится «15» июня 2023 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д. 24.1.080.03 при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук: www.imli.ru

Автореферат разослан «__»_____2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.Г. Плотникова

Общая характеристика работы

Ф.М. Достоевский уже более полутора веков является одним из самых известных и востребованных духовных проводников на пути самопознания человека. «Достоевский зажег на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невероятные по силе неземного блеска, кажущиеся уже не маяками земли, а звездами неба, — а сам не отошел от нас, остается неотступно с нами <...>, вечно стоит перед нами <...>, неразгаданный сам, а нас разгадавший, — сумрачный и зоркий вожатый в душевном лабиринте нашем, — вожатый и соглядатай»¹, — писал Вяч.И. Иванов.

Несмотря на неослабевающее как при жизни, так и (в особенности) после смерти писателя внимание читателей и исследователей к его творчеству, число работ, посвященных раннему периоду, значительно уступает числу трудов, в которых изучается зрелый этап. Еще меньше можно найти исследований, в которых бы ранний период рассматривался как целостное, обладающее глубокой философской основой явление. Большая часть работ, в которых авторы обращаются к творчеству Достоевского 1840-х годов, посвящена анализу отдельных произведений, сквозных тем и мотивов, входящих в этот период, или изучению этого периода в рамках всего творческого пути писателя — как его составной части, нередко понимаемой лишь как «ученический» этап. Среди исследований, специально посвященных раннему творчеству, наиболее известны работы Я.В. Кирпотина, В.С. Нечаевой, Д.В. Гришина, Г.М. Фридлендера.

В достоевистике можно назвать общим местом представление о том, что именно после пережитых на каторге испытаний Достоевский обратился (если и не впервые, то в первый раз на такой онтологической глубине) к философским и богословским темам, которые стали основой его зрелого творчества, принесшего ему славу великого христианского писателя. Основанием для этого мнения

¹Иванов Вяч. Достоевский и роман трагедия // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987. Т. 4. С. 402.

нередко служат слова о «перерождении убеждений» (21, 134)², сказанные самим писателем. Действительно, прямые высказывания Достоевского о роли Христа в жизни человека, о человечестве на пути богопознания, о взаимодействии Бога и мира начинают появляться в послекаторжный период. Так, в небольшом тексте 1864 года «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?», написанном для себя и не предназначавшемся к публикации, Достоевский прямо показывает как цели и задачи человеческой жизни, так и тот уровень, на котором человек находится до их достижения: «Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. <...> Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели. <...> человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное» (20, 172–173). Это размышление было записано человеком, пережившим собственную казнь, прошедшим каторгу, лишенным социальных привилегий, потерявшим жену, над чьим мертвым телом и писались эти строки.

Однако, если обратиться к письму (22 декабря 1849), написанному Федором Достоевским брату Михаилу сразу после несостоявшейся казни, оказывается, что уже в то время писатель выработал в себе основания, позволившие ему пройти испытания, не растеряв свои духовные силы, но, напротив, приумножив их: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою <...> *On voit le soleil!*» (28₁, 162). А перед казнью, о которой Достоевский еще не знал, он пишет брату, что и не подозревал, сколько в нем скрыто жизненной силы — «не вычерпаешь».

Эти полные надежды и деятельной энергии мысли в один из самых тяжелых моментов жизни писателя составляют удивительный контраст с мировидением,

² Здесь и далее все цитаты Ф.М. Достоевского с указанием в скобках тома и страницы даны по: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

описанным им десятью годами ранее. Будучи студентом Главного инженерного училища, Достоевский пишет брату Михаилу о бессмысленности любого дела и беспросветности существования. Человек представляется ему существом, чей «закон духовной природы нарушен», так как душа его «состоит из слияния неба с землею», причем небесная часть одурманена и обманом поработана земной, мир наш — «чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию». Достоевский видит вокруг «одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная» (281, 50). За последующие десять лет писатель проделывает путь от ощущения невозможности существования человека в мире, где жесткая оболочка ограничивает бытие рамками повседневности, к чувству, что живая жизнь возможна везде, более того, задача человека — не уныть и не пасть в любых предлагаемых обстоятельствах. Можно заключить, что в период раннего творчества Достоевским было осуществлено очень мощное внутреннее изменение.

Суть исходного ощущения — неестественность, «противузаконность» положения человека в мире, то, что потом (в записи «Маша лежит на столе...») будет названо переходным состоянием человека. На момент написания письма 1838 года Достоевский, в силу возраста и доступного на тот момент опыта, передает это ощущение в «гностических» образах. Т.А. Касаткина не раз отмечала, что проблематика раннего творчества сформирована Достоевским в гностической парадигме, когда материя мыслится как захватчица духа, которую можно только уничтожить, однако разрешает он поставленные проблемы в христианской парадигме, выстраивая иную иерархию земного и небесного, где земное не уничтожается, но вольно подчиняется небесному и становится его телом и храмом, а не тюрьмой и темницей. Процесс выстраивания иной иерархии и описывается в последнем докаторжном произведении Достоевского «Маленький герой» (1849), когда мальчик благодаря своему «воскресшему духу» укрощает дикого коня, символ плоти, после чего ему удается прозреть свою «истинную природу» (см. об этом последний раздел работы).

После каторги Достоевский в письме Н.Д. Фонвизиной прямо назовет и опишет свой идеал — Христа, тем самым встроив для будущих читателей и исследователей свое мировидение и последующее творчество в христианский дискурс. Однако никак нельзя говорить о том, что образ Христа как фокус мировидения писателя впервые возникает только на каторге. Из воспоминаний современников и самого Достоевского мы знаем, что ко Христу писатель обращался в сложнейшие моменты своей жизни, образом Христа поверял свои суждения (см., например, письмо Н.Н. Страхову от 18 мая 1871 года или записки петрашевцев Н.Ф. Львова и М.В. Буташевича-Петрашевского о последнем перед казнью разговоре Достоевского и Н.А. Спешнева).

Однако образ Христа, его роль в жизни человека еще не были осмыслены писателем на том уровне ясности, который был предъявлен им после каторги. Отсутствие в мировидении молодого Достоевского «продуманного» идеала (по крайней мере на каком-то этапе) заставляет его искать средства преодоления наличествующего состояния человека и мира, в каком-то смысле наощупь, изучая каждый вариант и/или (если предположить, что человеку для преодоления его неестественного состояния необходимо совершить ряд действий — пройти некий путь) рассматривая возможный исход, который будет иметь место, если продолжать следовать выбранному направлению. Такой поэтапный (или поаспектный) процесс исследования возможных вариантов прохождения пути/применения выбранных средств и представлен в раннем творчестве писателя. В каждом тексте рассматривается один из возможных вариантов преодоления жесткой оболочки мира, на которой сосредоточено в этот период внимание Достоевского, и последствий такого преодоления. Один из вариантов воплощается в завершенном произведении, а все вместе они складываются в единый, пусть и разветвленный, путь, приведший Достоевского к возможности пережить самые тяжелые как физически, так и духовно времена. Поэтому в работе мы полагаем возможным и даже необходимым говорить о проблематике именно раннего творчества, выделить его особую задачу, которая разрешается Достоевским до каторги.

Чтобы восстановить в максимальной полноте путь, проделанный Достоевским, философский смысл решаемой им задачи, необходимо увидеть произведения 1840-х годов как единство, позволяющее за внешними сюжетами отдельных текстов разглядеть непрерывную историю духовного пути человека. Так как ограниченность объема диссертационной работы не позволяет включить целостные анализы всех текстов исследуемого периода, то в первую очередь мы рассматриваем те произведения, на примере которых можно наиболее отчетливо увидеть, через какие образы и мотивы Достоевский говорит о своей стержневой задаче. В исследовании приводится целостный анализ завершающего периода произведения («Маленький герой»), в котором писателем предъявлен результат его предшествующих разысканий (найденное решение задачи).

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью, во-первых, рассмотреть ранний период творчества Ф.М. Достоевского как целостный этап, на протяжении которого автор осмысляет глубокие философские проблемы, ставит и решает задачи онтологического уровня; во-вторых, разработать методологию исследования, ориентированную на изучение данного периода с учетом его особенностей. Для изучения раннего творчества писателя принципиально важен интегративный подход, так как анализ отдельных произведений не позволяет увидеть фундаментальную авторскую идею, лежащую в основе этого периода, — только через объединение текстов и рассмотрение их в этом единстве раскрывается полнота их философской проблематики.

Таким образом, **целью** настоящего исследования является выявление и обоснование фундаментального единства текстов раннего периода творчества Ф.М. Достоевского, позволяющего увидеть их философскую основу в ее целостности и полноте.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1. Рассмотреть ранний период жизни и творчества Ф.М. Достоевского как целое с привлечением культурно-исторического контекста, ракурс рассмотрения которого обусловлен философскими темами, образами и реальными историческими лицами, упомянутыми в письмах брату Михаилу 1830-х годов. 2. Выявить доминанты

мировоззрения Ф.М. Достоевского, что позволит уточнить и описать фундаментальную авторскую задачу, лежащую в основе раннего творчества писателя. 3. Исходя из характерных черт рассматриваемого периода, теоретически обосновать наиболее релевантный подход к изучению произведений 1840-х годов. 4. Обосновать хронологические рамки раннего периода; на основании констатации завершения автором процесса решения задачи на определенном этапе. 5. На основании предложенного интегративного подхода провести анализ произведений исследуемого периода, выделяя сквозные мотивы, образы и концепты, связывающие разные аспекты философской мысли Достоевского в единство.

Объектом исследования являются художественные произведения Ф.М. Достоевского 1840-х годов, представленные как единый текст.

Предметом исследования являются те структуры (авторские концепты и мотивы), посредством которых ранние произведения Ф.М. Достоевского образуют единый текст.

Материалом исследования является корпус текстов Ф.М. Достоевского, созданный в 1840-х годах. Прежде всего в работе рассматриваются повесть «Хозяйка» (1847), рассказ «Ползунков» (1848), повесть «Слабое сердце» (1848), рассказы «Отставной» и «Честный вор» (1848), роман «Белые ночи» (1848), рассказ «Маленький герой» (1849), а также фельетоны, написанные в 1847 году для рубрики «Петербургская летопись» в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Выбор именно этих произведений обусловлен тем, что в данных произведениях наиболее ярко проявились определенные аспекты фундаментальной идеи, которая лежит в основе того, что в данной работе обозначено как *единый текст*. Материалом исследования также стали письма к брату Михаилу конца 1830-х годов, в которых в дискурсивной форме осмысляются философские вопросы, легшие в основу всего раннего творчества. В исследование входит анализ перевода Ф.М. Достоевским романа О. де Бальзака «Евгения Гранде» (1844), в котором отразились важные для понимания всего раннего творчества мировоззренческие установки писателя. Также в данную

работу включен анализ отдельных мотивов романа «Униженные и оскорбленные» (1861), который многими исследователями воспринимается как переходный от раннего к зрелому творчеству. Действительно, в нем присутствуют мотивы раннего творчества, которые, однако, раскрываются уже в другом поле фундаментальных смыслов.

Степень изученности

Несмотря на то что число исследований, посвященных раннему периоду творчества Ф.М. Достоевского, значительно уступает числу работ, посвященных зрелому периоду, их все же гораздо больше, чем возможно обозреть в рамках диссертации, и тем более — автореферата. В связи с этим здесь кратко отмечены лишь основные вехи исследовательской мысли, и в первую очередь выделены работы, посвященные специально всему раннему периоду, а не отдельным произведениям, входящим в него.

Первым критиком раннего творчества Ф.М. Достоевского был В.Г. Белинский. Он высоко оценил «Бедных людей», увидев в них близкую своим воззрениям острую социальную проблематику, однако последующие произведения Достоевского подверглись с его стороны жесткой критике за их «невнятность» и мистичность. Н.А. Добролюбов, несмотря на откровенно негативное отношение к творчеству писателя, был первым, кто отметил в своей статье «Забитые люди» (1861) художественное единство всего раннего творчества, которое, по мнению критика, включало в себя и роман «Униженные и оскорбленные».

При жизни писателя серьезных попыток осмыслить в отдельности его раннее творчество предпринято не было. После смерти Достоевского вышел ряд биографических очерков, в которых авторы обращались к его ранним произведениям, однако прежде всего их внимание было сосредоточено на психологическом портрете писателя. К такого рода трудам можно отнести статью К.К. Арсеньева «Многострадальный писатель» (1884) и работу Е.А. Соловьева «Достоевский, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк» (1891). В это же время переиздается книга О.Ф. Миллера «Русские писатели после

Гоголя» (1890), в которую вошла статья «“Бедные люди” и другие произведения первой поры. “Село Степанчиково” — “Униженные и оскорбленные”».

На рубеже XIX–XX веков в работах русских религиозных философов впервые начинает рассматриваться онтологический уровень творчества Достоевского. Писатель был многими воспринят, с одной стороны, как пророк трагедий XX века, а с другой — как самый близкий и родной друг, способный понять жизнь души каждого человека. (см.: Д.С. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902), Вяч.И. Иванов «Достоевский и роман-трагедия» (1914), Н.А. Бердяев «Миросозерцание Достоевского» (1923) и др.). Однако внимание мыслителей было в первую очередь сосредоточено на зрелом творчестве писателя. Ранним периодом занимался Иннокентий Анненский, в его первую «Книгу отражений» (1906) включены статьи о «Двойнике» и «Господине Прохарчине».

Интерес к раннему творчеству заметно возрастает в 20-е годы XX века. В свет выходит несколько сборников статей: «Творческий путь Достоевского» под редакцией Н.Л. Бродского (1924); «Творчество Достоевского» под редакцией Л.П. Гроссмана (1921); «О Достоевском» под редакцией А.Л. Бема. В 1924 году на основе статьи, опубликованной Л.П. Гроссманом в его сборнике, выходит монография «Путь Достоевского». В это же время выходит работа В.Л. Комаровича «Юность Достоевского» (1924), в которой рассматриваются увлечения Достоевского различными учениями и идеологиями, сюжетным стержнем статьи является история пути Достоевского до каторги через призму его дружбы с А.Н. Плещеевым. Спустя четыре года Гроссман начинает издание документальной серии книг «Достоевский на жизненном пути», однако в свет вышла только «Молодость Достоевского» (1928).

В 1929 году появляется первая версия, наверное, самой известной в мире работы о Достоевском «Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина. Автор уделяет совсем немного внимания раннему творчеству писателя — называет его «гоголевским» периодом, так как Достоевский, по мнению исследователя, использует схожие с гоголевскими образы, однако меняет фокус

внимания с описания внешнего проявления героя на самосознание бедного чиновника.

В последующие два десятилетия исследовательская активность снижается, так как потребовалось значительное время, чтобы «реакционный» писатель занял свою нишу в советской культуре. Следствием нахождения этой ниши стало исключение на долгие годы духовного и религиозного уровней текстов Достоевского из сферы исследований.

В 1947 году выходит книга эмигранта первой волны К.В. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество», в которой помимо подробного описания биографии писателя уделяется значительное внимание анализу развития образов и идей в его творческом процессе. Исследователь убедительно показывает сходство структур и идей «Неточки Незвановой» и «Маленького героя», демонстрирует развитие образов героев «Двойника» в «Бесах» и т. д. Мочульский не рассматривает раннее творчество как целостный период и отделяет его от позднего условно.

Прицельно ранним творчеством стал заниматься В.Я. Кирпотин. Так, в 1947 году выходит его работа «Молодой Достоевский», а в 1960 году — «Достоевский. Творческий путь (1821–1859)». Исследователь полагал, что по своему идейному наполнению раннее и позднее творчество принципиально отличаются друг от друга. Достоевский как продолжатель гоголевской традиции, по мнению Кирпотина, в раннем творчестве стремился обличить пагубное влияние жестко иерархичной среды на развитие и становление человека, занимающего в этой иерархии нижние ступени. В позднем же творчестве, по мнению исследователя, идеологические установки писателя принципиально меняются — «с яростным пристрастием станет [Достоевский] отрицать значение среды для формирования судьбы и воли отдельного человека»³.

Исследование Г.М. Фридлендера «Путь Достоевского от “Бедных людей” к романам 60-х годов» (1962) по своим идеологическим установкам схоже с

³ Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. С. 253.

работой В.Я. Кирпотина. Достоевский, по мнению исследователя, в период раннего творчества «стремился создать социально-психологический роман, основанный на принципах “гоголевского” направления», что предполагало изображение «судьбы “маленького человека”, трагически гибнущего в условиях враждебного и равнодушного к нему большого города»⁴.

Спустя почти двадцать лет выходит ставшая классической монография В.С. Нечаевой «Ранний Достоевский 1821–1849» (1979). Выбранный ею метод исследования можно назвать биографическим — в каждом произведении исследуемого периода Нечаева стремится найти воплощение реальных «сильных впечатлений» писателя, а в героях — разглядеть прототипы из действительной жизни автора. Одновременно с монографией Нечаевой выходит работа Д.В. Гришина «Ранний Достоевский» (1978). Исследователь пишет о раннем периоде как об этапе становления, называет его школой — Достоевский преодолевает романтизм и все больше обращается к реализму, этот процесс происходит под мощным воздействием русской и европейской литератур.

В последние десятилетия XX века начинает появляться значительное число статей, посвященных либо отдельным произведениям раннего творчества, либо отдельным мотивам и аспектам данного периода. Для нас же важен в первую очередь целостный анализ всего раннего творчества. Однако отметим два направления исследований, которые условно можно назвать центральными. Так, особое внимание исследователей привлекал вопрос литературных влияний, заимствований (см. об этом: Ю.В. Манн «Путь к открытию характера» (1972), И.В. Карташова «Об одной Гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (тема мечтателя)» (1983), О.Г. Дилакторская «Достоевский и Пушкин (“Слабое сердце” и “Медный всадник”))» (1999) и др.) и определение литературных направлений, в рамках которых развивалось раннее творчество Достоевского (см. об этом: Г.К. Щенников «Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского» (1983), П.И.

⁴ Фридендер Г.М. Путь Достоевского от «Бедных людей» к романам 60-х годов // История русского романа: в 2 т. М.: Академия наук СССР, 1962. Т. 1. С. 416.

Гражис «Ранний Достоевский и романтизм» (1975), К.И. Тюнькин «Романтическая культура и ее отражение в творчестве Ф.М. Достоевского» (1973), А.А. Жук «Романтическая тенденция в раннем творчестве Достоевского (проблема характера)» (1985), Э.М. Жиликова «Традиция сентиментализма раннего Достоевского (1844–1849)» (1989) и др.).

В конце XX века внимание, помимо прочих тем, начинают привлекать фольклорные мотивы в творчестве Достоевского (В.П. Владимирцев «Достоевский и народная пословица» (1996), О.Г. Дилакторская «Формула сказки в “Хозяйке” Ф.М. Достоевского» (1996) и др.). С каждым годом палитра исследуемых тем и мотивов в раннем периоде становится все шире. Исследователи обращаются к образам различных типов героев в раннем творчестве, к характерным чертам пространства, к повторяющимся жизненным ситуациям, к историческим реалиям и мифам, создающим дополнительный сюжет вокруг героев произведения.

Важной вехой в исследовательской истории творчества Достоевского становится подготавливаемый в предыдущие десятилетия, но ясно проговоренный и поставленный в начале XXI века вопрос о творческом методе Достоевского. В 2002 году в ИМЛИ РАН прошел круглый стол «“Проблема реализма в высшем смысле” в творчестве Достоевского», посвященный вопросу творческого метода и его становления. Начали выходить монографии, ставящие вопрос метода в центр исследовательского процесса. (Т.А. Касаткина «О творящей природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа “реализма в высшем смысле”» (2004), К.А. Степанян «“Сознать и сказать”: “Реализм в высшем смысле” как творческий метод Ф.М. Достоевского. (2005), Б.Н. Тихомиров «“...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком”»: статьи и эссе о Достоевском» (2012) и др.). Т.А. Касаткина уделяет особое внимание не только изучению творческого метода Достоевского, но и разработке специальной методологии исследования, учитывающей особенности авторского метода (см.: первый раздел монографии «Достоевский как философ и богослов:

художественный способ высказывания» «Методология анализа и интерпретации художественного текста» (2019)).

В XXI веке исследователями начала изучаться тема гностицизма, в первую очередь в раннем творчестве Достоевского. К ней обращались К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров, И.И. Евлампиев и др. Особенно подробно и обстоятельно она разрабатывается Т.А. Касаткиной («Особенности структуры ранних “гностических” текстов Достоевского: анагогическая история» (2020)).

Научная новизна настоящей работы обусловлена тем, что в ней обосновывается и применяется на практике интегративный подход к изучению раннего творчества Ф.М. Достоевского. Этот подход базируется на идее объединения произведений данного периода в *единый текст*. Основанием для объединения текстов служит наличие общей жизненной философской задачи, решаемой писателем посредством этих произведений — что, возможно, представляет наиболее релевантный подход к творчеству Ф.М. Достоевского, признанного в XX веке крупнейшим философом и богословом.

При таком подходе на первый план выходят произведения, ранее не рассматривавшиеся как возможные носители центральных идей раннего творчества Достоевского («Ползунков», «Маленький герой»). Рассказ «Ползунков» в настоящей работе впервые становится одной из центральных точек исследования. В процессе его анализа раскрывается крайне важный для раннего творчества концепт *комического положения героя*, как образа человека, утратившего божественную вертикаль в своей душе, и *тема сердца*, проходящая через все ранние сочинения писателя. Впервые устанавливаются литературные связи между произведением «Маленький герой» и романом И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575), полотном Тициана «Любовь земная и любовь небесная» (1514). В настоящем исследовании показана значимость данного рассказа для понимания всего раннего творчества Достоевского.

В работе впервые предпринят анализ мотива смены квартиры от первых произведений Достоевского до романа «Униженные и оскорбленные». Тема

«другой» любви (начало исследованию которой положили Т.А. Касаткина и А.Г. Гачева) в данной работе дополнена анализом конкретных примеров из произведений рассматриваемого периода («Белые ночи», «Слабое сердце», «Хозяйка»), а также романа «Униженные и оскорбленные».

В настоящую работу включен анализ перевода Достоевским романа О. де Бальзака «Евгения Гранде»: проведен он на других основаниях, нежели в предыдущих работах исследователей. Анализ перевода базируется на предварительном комплексном анализе оригинала романа, что позволяет увидеть целостную картину работы переводчика с текстом.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в работе разрабатывается интегративный подход к изучению раннего периода творчества Ф.М. Достоевского, базовым понятием которого становится *единый текст*. Под единым текстом понимается совокупность художественных произведений 1840-х годов, связанных между собой сквозными авторскими мотивами и концептами. Основанием для такого объединения служит наличие в исследуемый период возникающей перед автором философской задачи/проблемы, процесс решения которой отображается в последовательности создаваемых им произведений. На символическом уровне в текстах 1840-х годов автор описывает историю духовного пути человека, ищущего средство для преодоления своего неестественного, угнетенного положения в насущной действительности. В таком положении, по своим ощущениям, находился и сам Достоевский. Прохождение этого пути стало его жизненной и творческой задачей. Ее выявление и формулировка принципиально важны для адекватной интерпретации всех произведений, входящих в исследуемый период. Разработанный подход может быть использован для дальнейшего изучения раннего творчества Достоевского.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее материалы могут быть использованы для подготовки лекционных курсов, семинаров и учебных пособий по русской литературе XIX века.

Теоретико-методологическая база настоящей работы опирается на совокупность методов исследования, принятых в гуманитарных науках:

исторический, биографический, герменевтический. В основу анализа текстов положен субъект-субъектный метод⁵, являющийся одним из вариантов подробной методической проработки герменевтической методологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Философская проблема, стоящая перед Ф.М. Достоевским в период его раннего творчества, заключается в осознании и поиске средств преодоления неестественного, угнетенного положения человека в материальном мире. В данной работе на основании образов, которыми Достоевский в письмах брату Михаилу описывал то, как он видит наличествующее мироустройство, задача раннего творчества формулируется как *поиски путей преодоления косной оболочки мира*.

2. Этапы и аспекты процесса решения поставленной задачи описываются и осмысливаются Ф.М. Достоевским в произведениях 1840-х годов.

3. Для реконструкции пути решения задачи произведения исследуемого периода следует рассматривать как органическое структурное единство, что в данной работе обозначено понятием *единый текст*. Можно утверждать, что основанием для объединения произведений определенного периода в единый текст служит наличие фундаментальной авторской задачи, решаемой посредством этих произведений.

4. Первым произведением единого текста 1840-х годов является перевод Ф.М. Достоевским романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», так как при целостном анализе обоих произведений становится ясно, что Достоевский выступил в роли не просто переводчика, но «гениального читателя», способного увидеть и передать (а затем и развить в своем творчестве) ряд тем, разработанных французским романистом на онтологическом уровне.

5. Произведением, завершающим ранний период творчества Ф.М. Достоевского, является рассказ «Маленький герой», в котором писатель на символическом уровне раскрыл найденное им на тот момент решение своей

⁵ Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 334 с.

философской задачи, заключающееся в необходимости выстраивания верной иерархии между духовным и материальным началами в человеке. Возвышение духа над плотью, ее вольное умаление, открывает, по Достоевскому, путь к прозрению «истинной природы человека».

Апробация работы

Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на конференциях:

Международные чтения «Произведения Достоевского в восприятии читателей XXI века» (2014, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. Музей романа «Братья Карамазовы». Старая Русса).

Старорусские чтения «Достоевский и современность» (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2021, 2022. Музей романа «Братья Карамазовы», Старая Русса).

Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (2016, 2017, 2018, 2019. Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Санкт-Петербург).

Международная научная конференция «Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева» (31 мая 2018 года. Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Библиотека истории русской «Дом А.Ф. Лосева», философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, журнал «Соловьевские исследования». Москва).

Международная научная конференция «Богословие Достоевского» (26–27 февраля 2019 года. Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Москва).

IV международная междисциплинарная научная конференция «В поисках границ фантастического: средства передвижения и перемещения в пространстве (памяти проф. В.Л. Гопмана)» (16–17 ноября 2020 года. Российский государственный гуманитарный университет. Институт филологии и

журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Русско-польский институт (Вроцлав)).

Международная конференция «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского “Достоевский в переводах”» (28–29 мая 2021. Кафедра европейских языков Института лингвистики РГГУ. Научно-исследовательский центр «Ф.М. Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН). Москва).

Международная научно-практическая конференции «Наука о Достоевском и практика его преподавания в школе и вузе: к 200-летию со дня рождения писателя» (12–13 ноября 2021. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. В рамках Съезда словесников).

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, параграфа, посвященного обоснованию и определению основных терминов, трех глав, состоящих каждая из нескольких параграфов, заключения и библиографии (224 наименования).

Во **Введении** обоснована целесообразность и актуальность темы диссертации; сформулированы цель и задачи работы; описаны предмет, объект и материал исследования; представлена степень изученности темы; определены теоретическая и практическая значимость диссертации, в также методологические основания исследования, представлена научная новизна; перечислены положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации исследования.

Перед основной частью диссертационного исследования помещен раздел **«Основные термины: обоснование подхода к работе с терминологической базой исследования»**, в котором с опорой на теоретические положения,

описываемые А.В. Михайловым, о специфике использования терминов в гуманитарной сфере, в частности в науке о литературе, обосновывается подход, в котором значение того или иного «многозначного» понятия обуславливается в первую очередь коренным значением самого слова. Так, понятия *произведение* и *текст*, определяемые исходя из своих коренных значений (*textus*— ткань, производить — быть созданным кем-то), оказываются не взаимоисключающими или, напротив, синонимичны —нолишь акцентирующими разные свойства/качества «литературного материала». На основании подобным образом толкуемых понятий даются определения терминов наиболее значимых для данной работы:

Произведение — это результат творческой деятельности автора, предъявляемый им как целостное явление, содержащее в себе достаточную полноту элементов для понимания авторского замысла.

Текст — понятие, указывающее на особенность структуры любого явления, которая представляет собой сплетение элементов по образцу нитей в ткани. В данном исследовании под элементами, образующими текст понимается совокупность мотивов, концептов, цитат и реминисценций, используемых автором для выражения глубинной идеи произведения. Текст может употребляться как синоним понятия *произведение*, так и шире — текстом могут быть названы не только художественные произведения, но письма, воспоминания, публицистика.

Единый текст — текст, объединяющий в себе несколько текстов, создавая на их основе новое единство, обладающее смыслом, но не воплощенное в произведении, как предъявляемой автором целостности. Основанием для объединения текстов в единый текст служит наличие авторской задачи, решаемой поаспектно через отдельные произведения, и восстанавливаемой только при учете всех текстов.

Авторская задача— онтологический вопрос/проблема, возникающий перед автором и затрагивающий самые глубокие основания его мировоззрения. Процесс, как и результат, решения такой проблемы отражаются в творчестве

писателя, становясь основой одного или ряда его произведений, в зависимости от продолжительности поиска средств разрешения возникшего вопроса.

Концепт — (от лат. *conceptus*— схватывание). Смысловая единица, представляющая собой заданное автором сочетание «внешнего» образа, бытовой детали, элемента сюжета, и «внутреннего» образа, встающего за внешним и переводящего повествование с бытового уровня на тот, где раскрывается настоящий смысл произведения, ради которого оно и создается. Этот внутренний образ интуитивно схватывается читателем, исследователь же стремится выявить и описать его.

Мотив — (от лат. *motus* — движение) повторяющиеся элементы — слова, образы, места действия, сюжетные ходы — за которыми встает один и тот же образ, намеренно помещаемый туда автором. Можно сказать, что мотив — это в каком-то смысле повторяемый концепт. Таким образом, в данной работе понятие мотива и концепта взаимозаменяемы.

Цель первой главы **«Выявление авторской задачи раннего периода творчества Ф.М. Достоевского»** — показать, что, начиная с юношеских писем Ф.М. Достоевского брату Михаилу (конец 1830-х годов), а затем и в его художественных произведениях 1840-х годов прослеживается единая философская идея, связанная с мировоззренческими установками автора. Таким образом, задача первой главы — рассмотреть раннее творчество Ф.М. Достоевского как целое, чтобы затем выявить и обосновывать фундаментальную авторскую задачу, лежащую в основе всего периода. В первом параграфе **«Романтизм как духовное явление: обзор истории исследования понятия в XX–XXI веках»** приведен краткий обзор исследовательских стратегий изучения истоков раннего творчества Достоевского, кроющихся в таком явлении, как романтизм, понимание которого долгие годы было редуцировано в научной среде до литературного метода или социального явления, несмотря на прямые опровергающие такое мнение высказывания самих романтиков, распространявших цели своей деятельности далеко за пределы работы литераторов. Еще в 1914 году В.М. Жирмунский писал о романтизме как о

важнейшем для рубежа XVIII и XIX веков духовном явлении, характеризующемся тем, что его «адепты» начали вновь признавать и ощущать реальность потустороннего, Божественного мира, который последовательно отменялся с эпохи Просвещения. Исследователь обращал особое внимание на то, что для романтиков их деятельность, будь то искусство, философия или просто быт, была в первую очередь духовной практикой. В последние десятилетия такое понимание романтизма возвращается в научную среду, см., например, работу М.Я. Вайскопфа «Влюбленный Демург: Метафизика и эротика русского романтизма» (2012), в которой он позиционирует себя как последователя Жирмунского.

В следующем параграфе **«Течения духовной жизни общества, созвучные мировоззрению Достоевского»** кратко прослеживается, из чего складывалась и как формировалась духовная жизнь общества в России начиная со второй половины XVIII века. Именно в этот период фиксируются (по мнению прот. Георгия Фроловского) первые предпосылки формирования будущего русского романтизма — после окостенения в религиозной жизни страны, произошедшего вследствие петровских реформ, начало осуществляться духовное пробуждение общества, причем проводниками этого пробуждения оказались появившиеся в то время масонские ложи. Именно в лоне тайных обществ сформировалось мироощущение, явившееся в романтизме, во многом созвучное пессимистическому гностическому мировидению, в котором наш материальный мир ощущается как тюрьма духа. В разделе **«Письма брату М.М. Достоевскому 1830-х годов: формирование базовой духовной идеи раннего творчества»** анализируются письма Ф.М. Достоевского брату Михаилу конца 1830-х годов. Уже в то время, то есть в возрасте семнадцати лет, будущий писатель ставил самые глубокие вопросы о судьбе человека в мире, где духовное и материальное оказалось в радикально неравных положениях, о соотношении земного и Божественного, о проявлении духа, скованного материей, о Богопознании в наличествующей действительности. Из писем мы узнаем, что человек представлялся ему существом, чей «закон духовной природы нарушен», так как

душа его «состоит из слияния неба с землею», только небесная часть одурманена и обманом поработана земной, мир наш — «чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию». Достоевский в тот период жизни видел вокруг «одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная» (28₁, 50), человек как (хотя бы отчасти) духовное существо оказывался в таком мире в противоестественном, угнетенном положении. Размышления о возможности преодоления такого положения человека захватывают Достоевского и становятся центральной темой его философских и богословских изысканий раннего творчества. Поиск средств, которые бы дали возможность человеку ощутить/соприкоснуться/открыть в себе свою истинную духовную природу становится его жизненной и творческой задачей. Для формирования более объемного понимания того, как представленное мировидение молодого Достоевского было встроено в философско-мистическую мысль эпохи, в параграфе приведен анализ труда немецкого религиозного мыслителя К. Эккартсгаузена, крайне популярного в России на рубеже XVIII и XIX веков, «Облако над святилищем», в котором присутствуют схожие с описываемыми Достоевским образы для представления устройства мира и человека, а также формулируются жизненные задачи человека и предлагается поэтапный путь возможного духовного, а затем и физического преображения. В данном разделе также анализируются мистические произведения О. де Бальзака («Серафита») и Э.Т.А. Гофмана («Магнетизер») (именно этих авторов Достоевский упоминает в рассматриваемых в этой главе письмах), в которых авторы в художественной форме повествуют о том, как божественный дух, присутствующий в человеке, оказывается пленен материей посредством ложных учений рационального ума, воплощенных науке, или сознательного поработания гипнотизера, решившего встать на место Бога. В параграфах **«Трансформация идей, затронутых в переписке конца 1830-х годов, в художественные образы публицистики 1840-х»** и **«Воплощение базовых идей раннего периода в художественных текстах 1840-х годов»** мы обращаемся к публицистическим и художественным текстам 1840-х годов, чтобы продемонстрировать смысловое единство метафизических

концептов, описанных Достоевским в ранних письмах, и художественных образов его первых произведений. Писатель кладет в основу своего раннего творчества решение той же «юношеской» задачи, хотя при смене дискурса — от прямых слов эпистолярного жанра к образам художественного творчества — писателю приходится радикально сменить форму, сохраняя внутреннее содержание. В заключительном разделе первой главы на основании представленных исследований формулируется в лаконичной форме задача, лежащая в основе всего раннего творчества — *поиск пути преодоления косной оболочки мира*.

Целью второй главы **«Понятие единый текст: формирование инструмента исследования»** является описание понятия *единый текст* как наиболее адекватного специфике раннего периода Ф.М. Достоевского инструмента исследования. Задача второй главы состоит в том, чтобы исходя из характерных черт рассматриваемого периода, теоретически обосновать наиболее релевантный подход к его изучению, а также описать хронологические рамки раннего периода, принимаемые в данной диссертации, не на основании внешних биографических событий, но на основании констатации завершения автором процесса решения задачи на определенном этапе. В первом разделе **«Единый текст: к истории термина и о роли термина в изучении творчества Ф.М. Достоевского»** приводится обзор исследовательской литературы, в котором рассматриваются примеры описания понятия *единый текст* как теоретической категории и определения оснований для подобного объединения ряда элементов (произведений). Так, Ю.М. Лотман использует понятие *единый текст* для обозначения некоторой группы текстов, причем необязательно даже созданных одним автором, а, например, принадлежащих одному временному периоду или географической области. Основанием для объединения служит наличие сходных, «созвучных» элементов. И.Б. Роднянская, напротив, единым текстом называет всю жизнь творца, воспринимаемую ее как развертывание «дара во времени». Личность творца становится гарантом единства всего производимого им в течение жизни. С.В. Свиридов понятие *единый текст* использует в качестве синонима художественного мира автора, как бы соединяя идеи Лотмана и Роднянской. В

достоеледении понятие *единый текст* также применяется исследователями (В.И. Габдулина, О.А. Ковалев, А.Ф. Седов, А.Н. Кошечко), однако скорее интуитивно — для обозначения ряда текстов Ф.М. Достоевского, объединенных в некое необходимое исследователю смысловое единство. За редким исключением основанием для подобного объединения служат либо обнаруженные в текстах общие мотивы, либо тот факт, что они были созданы в один период, например, докаторжный или послекаторжный. Тем не менее в достоевистике на данный момент нет теоретически обоснованного терминологизированного понятия *единый текст*. В разделе «**Теоретическое обоснование понятия *единый текст***» сформулирован и теоретически обоснован специальный подход к изучению раннего творчества Ф.М. Достоевского. В основе этого подхода лежит идея объединения произведений исследуемого периода в *единый текст*. В качестве основания для такого объединения служит наличие в исследуемый период глобальной философской задачи/проблемы, возникающей перед автором и решаемой им через созданные в этот период произведения.

Значимость задачи оказывается столь велика, что писатель неизбежно обращается к ней, размышляет, ищет пути ее решения в первую очередь через создаваемые им в определенный период произведения. По каким-то причинам для автора оказывается важно (или просто невозможно иначе) рассмотреть аспекты стоящей перед ним глубинной проблемы через ряд завершенных историй, а не соединить весь комплекс вопросов, связанных с имеющейся задачей, в одном произведении (большом романе, например). Завершая историю, но не разрешая окончательно стоящую перед ним задачу, писатель получает возможность через приобретённый опыт (проживание от начала до конца созданной им истории, получение обратной читательской связи), создать следующую историю, уже будучи немного другим человеком, то есть сместить свой угол зрения, что гораздо труднее сделать, все еще находясь внутри создаваемой истории. Зачастую получается, что некое решение, найденное в одном произведении, становится проблемной точкой для следующего. Писатель прощупывает, проясняет для самого себя пути решения проблемы, стоящей перед ним в жизни. Он как будто

проживает ее снова, но по-разному в каждом следующем произведении.

Обнаруживаемые в произведениях исследуемого периода мотивы/концепты «работают» на раскрытие различных аспектов такой задачи. Так как под задачей понимается спектр проблем, связанных с самыми базовыми мировоззренческими установками автора, на основании которых ставятся все вопросы — нет таких тем, которые не были бы связаны с базовой задачей. В разделе **«Границы единого текста раннего периода творчества Ф.М. Достоевского»** утверждается, что окончанием единого текста раннего периода творчества следует считать рассказ «Маленький герой», который, вследствие обстоятельств создания, мыслился Достоевским как, возможно, последнее написанное им в жизни произведение. Именно поэтому в нем в концентрированной форме демонстрируется, как преодолевается косность материи через ее одухотворение, когда мальчик благодаря своему «воскресшему духу» укрощает дикого коня, символ плоти, после чего ему удается прозреть свою «истинную природу».

Задача третьей главы **«Анализ произведений 1840-х годов, рассматриваемых как единый текст»** — на основании разработанного метода провести анализ произведений исследуемого периода, выделить сквозные мотивы и концепты, связывающие разные аспекты философской мысли Достоевского в единое целое. Первый раздел **«Перевод Ф.М. Достоевским романа О. де Бальзака “Евгения Гранде”»** посвящен анализу перевода романа Бальзака, выполненного Достоевским в 1844 году и ставшего его первым печатным произведением. В начале главы приводится анализ близких по тематике исследований (Г.Н. Пospelов, В.С. Нечаева, С.Н. Шкарлат, Л.П. Гроссман, А. Лишнеvская, С.А. Кибальник, Ф. Торранс). Однако в отличие от приведенных работ в основу предпринятого в данной диссертации исследования легла установка о возможности адекватного сопоставления двух текстов только при условии наличия предварительно сформированного целостного представления о каждом из них в отдельности. Только при соблюдении этого условия можно понять, что именно и с какой целью меняет переводчик в тексте оригинала. Одна из центральных тем романа Бальзака — понимание женщины как высшего по

отношению к мужчине создания за счет ее непосредственной связи с Богом. Этот образ нашел свое отражение в раннем периоде творчества писателя — в основополагающей для всего созданного в это время идее «другой» любви, в которой встреча с женщиной оказывается необходимой для открытия в герое его духовных сил. Второй раздел **«Центральные мотивы и концепты раннего творчества Ф.М. Достоевского»** посвящен анализу мотивов единого текста творчества Ф.М. Достоевского 1840-х годов. В данном параграфе продемонстрировано, как в ходе практического анализа текста реализуется заявленный теоретический подход. Посредством выявления повторяющихся слов/словосочетаний или сюжетных ситуаций (мотивов), за которыми стоят одни и те же образы (концепты), заложенные автором, открывается доступ к глубинному смыслу произведений. Анализируя смысл каждого мотива и сопоставляя его с авторской задачей (*поиск путей преодоления косной оболочки мира*), мы верифицируем верность выделенного мотива и одновременно уточняем понимание фундаментальной авторской задачи. Таким образом, внешне разные мотивы оказываются аспектами или путями решения единой авторской задачи раннего творчества. Были выявлены и проанализированы следующие мотивы:

В разделе **«“Комическое” как особое положение героя»** проанализированы мотив комического положения героя и тема живого сердца. Достоевский нередко использует слово «комический» для описания своих героев или ситуаций, в которых те оказываются — мотив присутствует в рассказах и повестях «Ползунков», «Слабое сердце», «Ревнивый муж», «Маленький герой».

Истинный смысл комического положения героя раскрывается в повести «Слабое сердце». В самом начале произведения, когда Вася хочет поделиться с Аркадием радостью по поводу предстоящей женитьбы, друг хватает его и заваливает на кровать, не давая встать. Оказавшись в таком положении, Вася уже не способен продолжить свой рассказ, потому что в таком виде нельзя говорить о важных вещах: «...ведь есть такие материи... что вот начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно — а тут дело совсем не смешное, а важное» (2, 17). И чуть позже Вася объясняет:

«...всю радость сердца... я должен был открыть, барахтаясь поперек кровати, теряя достоинство... ведь это было в комическом виде: ну, а я некоторым образом не принадлежал себе в эту минуту» (2, 18). *Комическое* положение — это горизонтальное положение, в котором человек не принадлежит себе и теряет достоинство. В этом положении нельзя говорить о важном, так как все равно выйдет смешно. Меняется система координат: важное становится смешным, а личность перестает принадлежать себе, тем самым унижаясь.

«Комическим мучеником» назван герой рассказа «Ползунков», у которого сама фамилия отсылает к идее горизонтального положения. Человек в комическом, горизонтальном положении — это человек, утративший божественную вертикаль. Условием преодоления этого состояния для героя является наличие *живого чувствующего сердца*.

Тема живого сердца является центральным мотивом всего раннего творчества Достоевского. Опустившийся и потерянный человек, Ползунков оказывается обладателем живого сердца, о чем не раз напоминает автор: «Само собою разумеется, что очерствовать и заподличаться вконец он не мог никогда. Сердце его было слишком подвижно, горячо!» (2, 6); «Ваше очерств... не скажу очерствелое, — заблудшее сердце...» (2, 10). Именно это качество позволяет Ползункову прорваться за пределы горизонтального материального мира и увидеть вертикальный путь человека.

В тексте рассказа фигурирует дата «первое апреля». Всеми героями она опознается как день смеха, и только Ползунков узнает в ней день памяти Марии Египетской («...вы, знаете, завтра... Марии Египетские-с...» (2, 9)). История Марии Египетской — это истории блудницы, которая однажды не смогла войти в храм, что-то невидимое глазу не пустило ее. Она буквально не смогла преодолеть косную оболочку горизонтального мира. После покаяния Марии удалось войти в храм, оставшуюся жизнь она решила посвятить молитве в пустыне Египта. Можно сказать, что Ползунков видит путь преодоления горизонтального положения, по которому уже прошла Мария.

Совсем иная ситуация у героя рассказа «Слабое сердце». Вася не умеет познавать мир сердцем, он спрашивает Аркадия: «...я давно хотел спросить тебя: как это ты так хорошо меня знаешь?» (2, 39), на что друг отвечает: «Если бы ты знал, Вася, до какой степени я люблю тебя, так ты бы не спросил этого, — да!» (2, 39). Достоевский в этом эпизоде раскрывает свое понимание сердца как органа истинного познания, в противовес рациональному познанию, — по-настоящему узнать другого, можно только полюбив его всем сердцем. Так как у Васи не получается осуществлять общение с миром посредством сердца, он оказывается неспособным расплатиться за счастье, посланное ему (внимание начальства, чудесная невеста, верный друг), из-за чего и сходит с ума. Точнее, он уверен, что за счастье надо платить, а это установка материального мира, где только и возможны отношения «ты — мне, я — тебе». Отношения через сердце основаны на избыточной любви, не требующей платы. Так, Вася сам говорит о своем сердце: «Сердце... во мне было черство... Слушай, как это случилось, что я никому-то, никому я не сделал добра на свете, потому что сделать не мог...» (2, с. 39).

Следующий раздел — «*Мотив смены квартиры*». Тема организации пространства в произведениях Достоевского не раз становилась предметом исследования (см., например: В.К. Кантор, А.П. Чудаков, Г.О. Портнов, ряд работ М.Н. Панкратовой), однако особое значение для достоевистики имеют разработки М.М. Бахтина, в частности введенное им понятие хронотопа порога, как места радикального перехода героя из одного состояния в другое: «У Достоевского, например, порог и смежные с ним хронотопы лестницы, передней и коридора, а также продолжающие их хронотопы улицы и площади являются главными местами, где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека. Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением, как бы не имеющим длительности и выпадающим из нормального течения биографического времени»⁶.

⁶ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 397.*

Примечательно, что радикальный переход героев раннего творчества писателя из состояния замкнутости, отрешенности от жизни, состояния человека, прибывающего в мире, скованном жесткой оболочкой, через раскрытие собственного сердца к соприкосновению с собой и миром часто происходит в необычном месте — квартире «почернее». Причем герои сами отправляются на ее поиски — оставляя свое предыдущее, иногда лучшее, жилье — и чудесным образом находят. Такой поворот сюжета можно обнаружить в «Бедных людях», «Хозяйке», «Белых ночах» (хотя только как гипотетическое предложение Настеньки), «Честном воре», а затем и в «Униженных и оскорбленных». Ордынцов выбирает «...дом почернее, полюднее и *капитальнее*...» (1, 264). Настенька узнает, что мечтатель живет в хорошем, большом доме, но все же предлагает ему переехать к ней, в дом похуже: «Ах, знаю, хороший дом; только вы, знаете, бросьте его и переезжайте к нам поскорее...» (2, 138) и далее: «Так вот вы завтра и будете мой жилец...» (2, 138).

В каждой квартире есть хозяйка. Именно встреча с ней оказывается поворотным моментом в судьбах героев, так как это знакомство затрагивает их сердца, давая возможность им ожить и раскрыться: «Одиночеством ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства; приготовлялась ли в томительном, душном и безвыходном безмолвии долгих, бессонных ночей, среди бессознательных стремлений и нетерпеливых потрясений духа, эта порывчатость сердца, готовая, наконец, разорваться или найти излияние» (1, 270).

Столь отчетливо прописываемая Достоевским триада: квартира/дом, хозяйка и жилец — не случайна. Т.А. Касаткина в своей лекции, посвященной повести «Хозяйка», расшифровывает символическое значение *квартиры*, *хозяйки* и *жильца* как *тела*, *души* и *духа*. Когда мы говорим о доме, хозяйке и жильце как о теле, душе и духе — мы открываем возможность для понимания сказанного в тексте на более глубоком уровне. В произведении события разворачиваются на нескольких планах — мы можем остаться на уровне сюжета и следить только за внешними событиями, часть которых будет неизбежно казаться странной и

нелогичной, как, например, поиски плохой квартиры для жилья. Но можно пойти дальше и увидеть то, что лежит за внешними событиями. Именно эта подкладка и будет связующим, поясняющим мнимые нелогичности звеном. Причем эта подкладка также многопланова. Так, когда герой по сюжету встречает хозяйку — это отражение его внутреннего процесса обретения/открытия собственной души, проявления духа. И в то же время встреченная личность сама есть живая душа, место присутствия Бога. То, что снаружи, то и внутри. Созданный таким образом текст требует от читателя расширения его собственного угла зрения для адекватного понимания сказанного. Рассматриваемые в этом параграфе концепты квартиры-тела, хозяйки-души и жильца-духа следует всегда воспринимать по крайней мере в этих двух плоскостях.

Тема «другой» любви в своей оппозиции к страстной любви (исследованию которой положили начало Т.А. Касаткина и А.Г. Гачева) дополнена в одноименном разделе анализом конкретных примеров из произведений рассматриваемого периода («Белые ночи», «Слабое сердце», «Хозяйка»). Тема соотношения страстной и духовной любви встречается во всех текстах Достоевского вплоть до последнего романа. Писатель смог увидеть, насколько духовная любовь больше страстной, насколько больше возможностей и свобод она открывает, а главное — она и есть путь за пределы косной оболочки, в то время как страстная любовь буквально синтезирует такую оболочку, превращая любимого в объект или предмет чувств.

В следующем разделе выявляются и анализируются **гностические мотивы** в ранних произведениях Ф.М. Достоевского. Ведущие специалисты нашего времени в области достоевистики сталкиваются с тем, что подобраться к некоторым смыслам произведений писателя иначе как через привлечение гностического контекста не получается. (К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров, Т.А. Касаткина). Проведённый в работе анализ, с одной стороны, позволил расширить контекст и рассмотреть еще один из возможных путей понимания философии раннего творчества Достоевского, а с другой — выявил принципиальное расхождение мировоззрения писателя и гностического

мировидения, отчетливо проявившееся в конце 1840-х годов. В гностицизме плоть, материя понимаются резко негативно. Их можно только уничтожить. В письмах юного Достоевского к брату прослеживается это же неприятие материи. Но в «Маленьком герое» перед нами открывается картина преображения материи, как бы договаривания с ней. Мальчик укрощает коня (символ плоти), преодолевает свою исключительность (почувствованную как исключенность), что влечет за собой обретение своего истинного места в мире. В этом моменте кроется принципиальное расхождение мировоззрения Достоевского, стремящегося восстановить человеческую целостность как внутри самого человека, так и между людьми, и гностического учения о расколе человека. Т.А. Касаткина не раз отмечала, что проблематика раннего творчества сформирована Достоевским в гностической парадигме, когда материя мыслится как захватчица духа, которую можно только уничтожить, однако разрешает он поставленные проблемы в христианской парадигме, выстраивая иную иерархию земного и небесного, где земное не уничтожается, но вольно подчиняется небесному и становится его телом и храмом, а не тюрьмой и темницей.

В третьем разделе **«“Маленький герой”: воспоминание как путь к прозрению собственной природы»** анализируется, как в небольшом рассказе, написанном во время заключения в Петропавловской крепости, Достоевский показывает поэтапный процесс обретения своей истинной природы, начать который можно только возвысив дух над плотью, буквально укротив ее. Главный герой произведения проходит путь от ребенка, которому нет нигде места, с которым играют как с куклой, к тому, в ком признали рыцаря, завоевавшего свое место в мире, к тому, в чей власти оживить сердце другой главной героини, m-me M, а главное к тому, кто в результате всех подвигов прозрел собственную истинную природу.

Маленький герой начинает свой путь в состоянии забытья: «... я уходил куда-нибудь, где бы не могли меня видеть, как будто для того, чтоб перевести дух и что-то припомнить, что-то такое, что до сих пор, казалось мне, я очень хорошо помнил и про что теперь вдруг позабыл, но без чего, однако ж, мне покуда нельзя

показаться и никак нельзя быть» (2; 269). В конце истории мальчик через откровение сердца вспоминает: «Я закрыл руками лицо и, весь трепеща, как былинка, невозбранно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей... Первое детство мое кончилось с этим мгновением» (2; 295). Таким образом, произведение оказывается посвящено описанию пути, который проделывает маленький герой между этими двумя состояниями. Можно сказать, что радикальный перелом от состояния припоминания к возможности прозрения своей природы происходит в сцене оседлания коня Танкреда, этот эпизод как бы разделяет путь героя на два этапа. При этом сам путь ознаменован взаимодействием мальчика с двумя женщинами, каждая из которых символизирует один из двух этапов, которые он проходит. Так, на первом этапе основное общение, причем крайне неприятное, происходит у молодого человека с тиранкой-блондинкой, и он лишь мечтает о разгадке тайны, заключающейся в образе m-me M. На втором этапе, после укрощения коня, блондинка как по волшебству преобразуется в нежнейшего друга, охраняющего честь и спокойствие мальчика, а основные события в жизни героя оказываются связаны уже с m-me M и ее тайной, что в результате и приводит мальчика к точке его прозрения/вспоминания своей природы. Получается, что, не пройдя первый этап, он не может приступить ко второму. Эпизод укрощения коня глубоко символичен. Т.А. Касаткина в работе «Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”», разбирая значение сна Раскольников о несчастной лошади, среди прочего дает следующий комментарий: «Несколько упрощая, можно сказать, что символом человека-профана, не просвещенного мистериями, в греческой культуре был кентавр: человеческий дух (вертикаль образа — человеческий торс), вросший в конскую плоть (горизонталь образа — тело коня), не способный управлять своими низшими, звериными желаниями, носимый по воле своей конской плоти. Символом человека в христианской культуре становится всадник — дух, оседлавший плоть, укротивший ее и правящий ею»⁷. Именно процесс возвышения

⁷ Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа

духа над плотью и ощущает вскочивший на коня мальчик: «Я вдруг теперь возмутился всем воскресшим духом моим, да так, что мне вдруг захотелось срезать наповал всех врагов моих и отмстить им за все и при всех, показав теперь, каков я человек» (2; 285). Таким образом, блондинку можно соотнести с образом материального мира, земной страстной любви, в то время как М-me М прямо называется Мадонной и символизирует небесную духовную любовь. Именно спасение М-me М раскрывает сердце маленького героя, и тот прозревает свою «истинную природу».

В этом же разделе демонстрируется, как Достоевский через архитеконику, точно подобранные детали и образы связывает свой текст с рядом европейских текстов, в которых символически повествуется о пути обретения духовной природы человека. В небольшом рассказе сплетаются и раскрываются образы, созданные мастерами европейской культуры (И.В. Гёте «Годы учений Вильгельма Мейстера», Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», Тициана Вечеллио «Любовь земная и любовь небесная»).

В раннем творчестве Достоевский выстраивает свои произведения так, что почти всем его персонажам в какой-то момент удается почувствовать реальность своей духовной природы, преодолеть на мгновение жесткую оболочку. Однако оказывается, что человек крепко привязан к «насущному видимо-текущему» и трудно сходит с привычных колеи. Оказывается, что даже единожды состоявшегося прорыва вечности может быть недостаточно для установления связи высшего порядка, именно поэтому складывается ощущение, что в ранних произведениях нет счастливых финалов. Достоевский исследует это влияние косной оболочки на душу человека и ищет пути ее радикального преодоления. Таким образом, если мы обращаемся только к одному тексту, то картина масштабного сложного пути авторского поиска выхода (вывода человека) за пределы косной оболочки не складывается. Только при объединении

Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 189.

художественных произведений в единый текст и, соответственно, при работе с ними как с единым текстом перед нами выстраивается полная история, создаваемая Достоевским на духовном уровне.

При условии восстановления такой истории всего единого текста раннего периода творчества оказывается, что в конце этой истории как будто бесплодных поисков пути преодоления косной оболочки мира средство преодоления найдено. И найдено оно, когда автор сам оказывается скован овеществленной жесткой оболочкой, то есть стал заключенным Петропавловской крепости. Именно в рассказе «Маленький герой» он показывает поэтапный процесс обретения своей истинной природы, начать который можно только возвысив дух над плотью, буквально укротив ее.

Описанный в художественных образах путь к радикальному преодолению жесткой оболочки — это путь, прожитый самим писателем, благодаря которому он оказался способен сразу после несостоявшейся казни написать: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою» (28₁, 162).

В **Заключении** подводятся краткие итоги проделанной работы. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что в основе произведений, созданных Ф.М. Достоевским в 1840-х годах, лежит философская проблема, которая заключается в осознании и поиске средств преодоления неестественного, угнетенного положения человека в материальном мире. В данной работе на основании образов, которыми Достоевский в письмах брату Михаилу описывал то, как он видит наличествующее мироустройство, задача раннего творчества формулируется как *поиски путей преодоления косной оболочки мира*. Таким образом, произведения, созданные в этот период, обладают творческой оригинальностью и глубиной смыслов, не являются «подготовительным этапом» и требуют особого подхода к их изучению,

специальной, адекватной авторской задаче этого этапа методологии исследования, выработанной в диссертации.

Был сформулирован и теоретически обоснован специальный подход к изучению раннего творчества Ф.М. Достоевского. В основе этого подхода лежит идея объединения ряда произведений в *единый текст*. В качестве основания для такого объединения служит наличие в исследуемый период глобальной философской задачи/проблемы, возникающей перед автором и решаемой им через созданные в этот период произведения. Обнаруживаемые в произведениях исследуемого периода мотивы/концепты «работают» на раскрытие различных аспектов такой задачи. Так как под задачей понимается спектр проблем, связанных с самыми базовыми мировоззренческими установками автора, на основании которых ставятся все вопросы — нет таких тем, которые не были бы связаны с базовой задачей.

В процессе реализации разработанного теоретического подхода нами были выявлены и проанализированы авторские мотивы раннего творчества Достоевского: мотив комического положения героя, тема живого сердца, «другая» любовь, мотив смены квартиры и ряд гностических мотивов. Также был проанализирован перевод Достоевским романа Бальзака «Евгения Гранде» и осуществлен целостный анализ рассказа «Маленький герой», являющегося последним произведением исследуемого периода.

Публикации по теме диссертационного исследования

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Магарил-Ильяева Т.Г. Честный вор: кто живет на окне? // Культура и текст. 2016. № 3. С. 70–76.

2. Магарил-Ильяева Т.Г. Комическое как особое положение героев в пространстве в ранней прозе Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2017. № 9. С. 94–106.

3. *Магарил-Ильяева Т.Г.* «Единый текст»: к истории термина и о роли термина в изучении творчества Ф. М. Достоевского // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 4. С. 10–27. (Scopus, Web of Science)

4. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Поиски путей преодоления косной оболочки мира в ранних текстах Ф.М. Достоевского // *Научный диалог*. 2019. № 7. С. 156–169.

5. *Magaril-Il'yayeva T.* 1847 Feuilletons as a Dictionary of the Philosophy of Dostoevsky's Early Works // *Social sciences*. 2022. Vol. 53, No. 1. Pp. 148–159. (Scopus)

6. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Гностический миф в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2023. № 1 (21) С. 38–61.

Разделы в коллективных монографиях

7. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Духовные пути Достоевского в период 1830-х – 1840-х годов // *Богословие Достоевского* / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 267–304.

Публикации в других изданиях

8. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Тема двойственности в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // *Достоевский и современность. Материалы XXX старорусских чтений*, 2015. Великий Новгород. 2016. С. 40–47.

9. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Гностицизм в литературе русского реализма: ранний Достоевский // *Русская литература и философия: пути взаимодействия* / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 196–216.

10. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев: смысл любви // *Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева* / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 287–295. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2).

11. *Магарил-Ильяева Т.Г.* «Философия перевода»: Ф.М. Достоевский и роман О. де Бальзака «Евгения Гранде» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 1. С. 157–176.

12. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Маленький герой: воспоминание, как путь к прозрению собственной природы // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2018. № 36. С. 32–46.

13. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Мотив смены квартиры в произведениях Ф.М. Достоевского: от раннего творчества к роману «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 112–132.

14. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Богословие Ф.М. Достоевского в понимании Бердяева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 117–139.

15. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Фельетоны 1847 года как «толковый словарь» философии раннего творчества Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16). С. 24–39.

16. *Магарил-Ильяева Т.Г.* Рассказ Ф.М. Достоевского «Маленький герой» как инициатический текст // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 18–39.